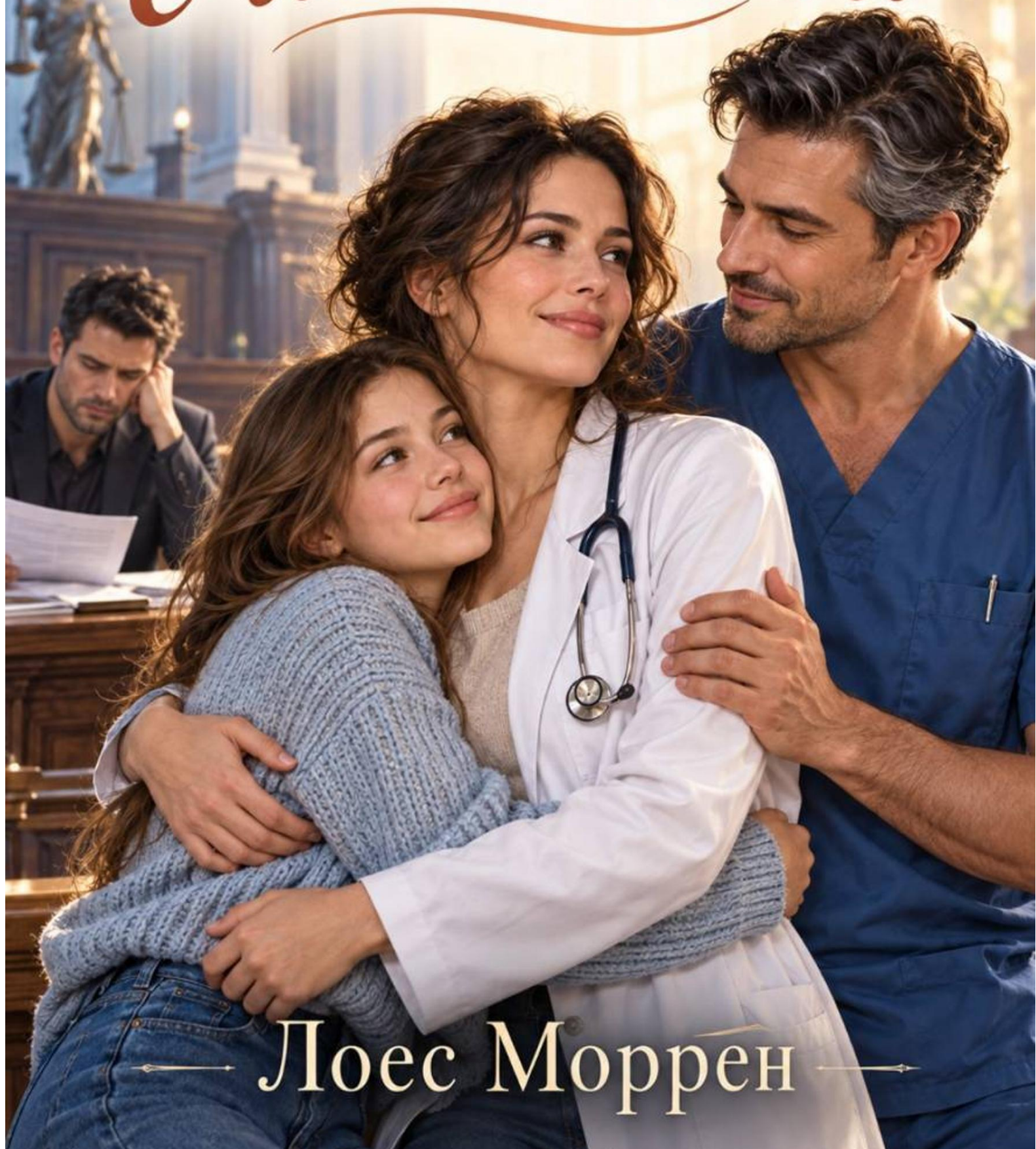

Мне тоже можно быть *счастливой*

— Лоес Моррен —

Лоес Моррен

Мне тоже можно быть счастливой

«Автор»

2026

Моррен Л.

Мне тоже можно быть счастливой / Л. Моррен — «Автор», 2026

В тридцать пять я ушла от мужа и переехала с дочерью в другой город. Нашла квартиру, устроилась в больницу и решила, что теперь главное — это наладить жизнь Марины. Собственное счастье могло подождать. Но рядом появился Антон, хирург с тёплой улыбкой, непростым прошлым и удивительной способностью слышать меня. С ним я снова захотела наряжаться на свидания, смеяться без причины и задерживаться в объятиях. Только пятнадцатилетняя дочь всё ещё мечтает о примирении родителей, а бывший муж уверен, что вправе решать, где и с кем нам жить. Чем ближе я становлюсь к Антону, тем сильнее боюсь потерять доверие Марины. И когда забота любимого мужчины задевает старые раны, приходится спросить себя: готова ли я снова довериться и сумею ли на этот раз сохранить собственный голос? Я долго училась быть хорошей женой и матерью. Теперь мне предстоит научиться быть счастливой.

© Моррен Л., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	11
Глава 3	17
Конец ознакомительного фрагмента.	19

Лоес Моррен

Мне тоже можно быть счастливой

Глава 1

Ключ повернулся только с третьей попытки, и я успела подумать, что новая жизнь вполне могла бы проявить чуть больше гостеприимства. За моей спиной Марина переставила чемодан с колёсиков на ножки и громко выдохнула, словно именно эта дверь была последней из множества причин не ехать в Бережск. Я прижала ручку вниз, толкнула плечом и едва не ввалилась в прихожую вместе с сумкой, в которой звякнули две чашки.

— Ну вот, добрались, — сказала я и поискала выключатель на стене. — Только не делай выводов по подъезду, хозяйка предупреждала, что ремонт начнут осенью. Здесь зато окна на реку, и до твоей школы можно дойти пешком.

— Очень удобно, — ответила она, заглядывая в комнаты. — Особенно если вспомнить, что в моей настоящей школе уже ждут меня первого сентября. Но зато теперь у нас есть река, она наверняка заменит и друзей, и учителей.

— Я понимаю, что тебе тяжело, — сказала я, хотя по её лицу уже видела, как мало стоили эти слова. — Давай сегодня просто устроимся, а школу обсудим завтра, когда обе немного выпьемся. Ты можешь выбрать комнату, я готова тебе уступить.

— Если бы я правда могла выбирать, мы бы сюда не приехали. Марина произнесла это без крика, и от спокойного голоса стало хуже, чем от хлопнувшей двери. Потом она взялась за ручку чемодана и покатила его в маленькую комнату, где стоял письменный стол.

Я осталась в прихожей, глядя на светлую полоску стены под снятой картиной. В квартире пахло чужим стиральным порошком и деревом, нагретым за день, а возле зеркала хозяйка оставила пластиковую вазочку с искусственной лавандой. На секунду мне показалось, что я тоже здесь временная вещь, которую поставили не туда и скоро переставят обратно.

Я прошла на кухню, открыла окно и услышала, как во дворе кто-то зовёт собаку. За крышами низких домов блестела река, по мосту медленно двигался автобус, а на балконе напротив пожилой мужчина развешивал полотенца. Никто из них не знал, что у меня сегодня началась новая жизнь, и это неожиданно принесло облегчение.

— Тут есть пицца и китайская еда, — позвала я, доставая телефон. — Можем устроить ужин на коробках, как в фильмах про переезд, только без обязательного веселья. Что ты хочешь, я сейчас закажу?

— Пиццу, — сказала она, заглядывая в экран. — Только без грибов, пожалуйста, ты всё время берёшь ту, которую я не люблю. И не надо устраивать праздник, я не хочу потом чувствовать себя виноватой, что его испортила.

Через сорок минут мы ели молча, с телефоном между нами и раскрытой коробкой вместо скатерти. Пицца оказалась тёплой, тесто — слишком толстым, и в другой вечер мы бы вместе посмеялись над моими попытками заказать что-нибудь приличное. Сейчас я спросила, не мешает ли свет из коридора, а Марина ответила, что всё равно не собирается рано ложиться.

Перед сном я заглянула в её комнату, собираясь оставить на столе бутылку воды. Марина лежала спиной ко мне, а на подоконнике стояла фотография в тонкой белой рамке: мы втроём на море, она между нами, Андрей щурится от солнца и держит ладонь у неё на плече. Чемодан оставался закрытым у стены, словно дочь приехала погостить и ждала, когда её заберут домой.

Я тихо поставила воду и не тронула фотографию. В своей комнате достала халат, проверила будильник и ещё раз открыла сообщение от старшей медсестры с указанием, куда прийти

утром. Потом положила телефон экраном вниз и легла, стараясь не прислушиваться к тому, как Марина ворочается за стеной.

Утром я оставила на столе деньги, ключи и адрес ближайшего магазина, а в холодильнике — йогурт и сыр, купленные накануне в дороге. В сообщении напомнила, что завтракать всё-таки нужно, потом стёрла эту фразу и написала, что постараюсь вернуться к шести. Перед выходом постояла у двери дочери, но будить её ради своего волнения было бы нечестно.

Ирина встретила меня возле приёмного отделения с кружкой чая и связкой ключей. Она оказалась невысокой женщиной с короткими тёмными волосами и таким взглядом, под которым я сразу выпрямилась. Потом она улыбнулась, и мне стало легче дышать.

— Елена, доброе утро, я вас узнала по фотографии в документах. Ирина переложила кружку в другую руку и показала на дверь в конце коридора. — Сначала переоденемся, потом познакомлю со всеми, а насчёт шкафчика предупреждаю сразу: у него характер хуже, чем у заведующего, но с ним можно договориться.

Первого пациента я осмотрела спокойнее, чем ожидала, но потом застряла на оформлении направления. В прежней больнице этот этап делался иначе, а здесь программа упрямо возвращала меня к незаполненному полю, которого я не могла найти. Я уже открыла третий раздел, когда Ирина положила рядом со мной тонкую папку.

— Вот наш местный путеводитель по потерянным нервам, — сказала она, разворачивая лист с пометками. — Здесь не всё очевидно, я сама в первый месяц хотела познакомить этот компьютер с ближайшим окном. Спрашивайте, пожалуйста, сразу, у нас за вопросы никто квалификации не отбирает.

Ирина показала нужную строку, и программа наконец позволила закончить оформление. Я записала порядок действий в свой блокнот, тот самый, который покупала перед переездом и собиралась использовать исключительно для разумных, выполнимых планов. На первой странице уже значились смена, школа, продукты, звонок хозяйке и замок, которому предстояло объяснить его обязанности.

— Если понадобится хирург, сегодня Антон Сергеевич, — добавила Ирина, забирая папку. — Он у нас недавно, но город его помнит ещё мальчишкой, так что половина пациентов считает своим долгом рассказать, каким он был в седьмом классе. Сам он это переносит прилично, хотя иногда просит начать всё-таки с жалоб.

Я не успела спросить, откуда он приехал. В кармане завибрировал телефон, и на экране появилось сообщение Марины: «Форма у них ужасная, ты вообще смотрела фотографии». Следом пришла картинка тёмного школьного жилета, и я начала печатать, что мы пока ничего не купили и ещё можем выбрать, но из коридора меня позвали к новому пациенту.

Мужчина лет пятидесяти сидел на краю кушетки, прижав ладонь к животу, и старательно объяснял, что ничего особенного не случилось. Жена рядом с ним держала в руках его куртку и при каждом таком утверждении поднимала глаза к потолку. Из их разговора выяснилось, что неприятные ощущения начались ещё утром, однако он решил сначала закончить работу в мастерской.

Я провела осмотр и уточнила, как менялось его самочувствие. Потом объяснила, что потребуется дополнительная оценка, включая консультацию хирурга, а его жена убрала куртку и пересела поближе. Мужчина хотел возразить, но супруга опередила его так знакомо и решительно, что я подумала о тысячах семейных разговоров, продолжающихся даже возле больничной кушетки.

Хирург вошёл через несколько минут, на ходу убирая телефон в карман. Я сначала заметила его руки — большие, с аккуратно подстриженными ногтями, — а уже потом лицо, тёмные волосы с несколькими светлыми нитями у висков и усталую складку возле рта. Он поздоровался с пациентом, представился и перевёл взгляд на меня, ожидая краткого объяснения.

Я изложила жалобы и результаты осмотра, стараясь говорить без лишних подробностей. Антон Сергеевич слушал внимательно, но один раз прервал меня вопросом о времени появления боли, и я почувствовала знакомое раздражение. В нём не было ни грубости, ни снисхождения, однако мне оказалось достаточно того, что кто-то уверенно задал темп разговору.

— Я уточняла это, — сказала я чуть резче, чем собиралась. — Утром ощущения были другими, и для меня важно, что они изменились за последние несколько часов. Сейчас расскажу по порядку, чтобы не возвращаться к одним и тем же вопросам.

Он выдержал короткую паузу и кивнул. Я закончила объяснение, а он попросил пациента ещё раз описать, где и как началось недомогание, после чего приступил к осмотру. Мне пришлось признать, что вопросы он задавал не ради демонстрации превосходства, а чтобы спокойно разобраться в происходящем.

— Елена, вы правильно обратили внимание на изменение жалоб, — сказал он, когда мы вышли в коридор. — По первому рассказу можно было получить совсем другое впечатление, он очень старается нас убедить, что зря приехал. Давайте согласуем дальнейший порядок, а родственнице объясним, почему пока лучше оставаться здесь.

Мы вернулись к пациенту и объяснили, что будет происходить дальше. Жена задала несколько вопросов, мужчина всё-таки позвонил своему заказчику, а я заметила, как спокойно Антон разговаривает с обоими, не переходя на ту особенную бодрость, которой иногда прикрывают чужой страх. После этого он ушёл, а я продолжила смену, радуясь, что наш первый разговор закончился лучше, чем начался.

Ближе к концу смены я обнаружила, что оставила блокнот неизвестно где. Он нашёлся раньше, чем я успела проверить все столы: Антон остановился в дверях ординаторской и поднял его двумя пальцами. Я почувствовала нелепую неловкость, будто он держал не список дел, а подробное свидетельство того, как плохо я справляюсь с собственной жизнью.

— В кабинете забыли, — сказал он, протягивая блокнот. — Я собирался положить у Ирины, но увидел вас и решил передать лично. Список у вас внушительный, особенно мне понравился пункт про переговоры с замком.

— Это не образное выражение, — ответила я, забирая свою собственность. — Он действительно требует переговоров, причём обе стороны пока недовольны результатом. Если я завтра не приду, не торопитесь искать другую причину, возможно, квартира просто отказалась меня выпускать.

Он улыбнулся, и лицо у него изменилось так заметно, что я на мгновение забыла посмотреть в блокнот. Улыбка была не широкой и не рассчитанной на впечатление, но исчезла усталая строгость, которую я приняла за постоянное выражение. Мне стало интересно, каким он бывает вне этих стен, и я тут же удивилась самой себе.

— Тогда начните с замка, а продукты купите по дороге, — предложил он. — Два дела одним выходом, уже выглядит менее безнадежно. С остальным помочь не обещаю, особенно со школьным жилетом, здесь моя квалификация заканчивается.

Я рассмеялась, но ответить не успела: у меня зазвонил телефон. На экране появилось имя Марины, и я торопливо извинилась, отходя к окну. Антон кивнул и ушёл, не задерживая меня ни вопросом, ни попыткой договорить.

— Mam, ты когда будешь? — спросила дочь вместо приветствия. — Я дошла до магазина, но там не было того хлеба, который мы обычно берём, и я купила какой-то другой. Ещё здесь всё время кто-то сверлит, я думала погулять, только не понимаю, куда вообще идти.

— Я пока на работе, домой приду примерно через два часа, — сказала я. — Положи хлеб в пакет, а гулять, если хочешь, выйди до пекарни на углу, там рядом маленький сквер. Только возьми ключи и телефон, а когда вернёшься, напиши, чтобы я не гадала, где ты.

— Я не маленькая, — ответила Марина, но без прежней резкости. — Просто всё какое-то чужое, даже магазин, и я не знаю, почему меня это так бесит. Ладно, я пока останусь дома, только ты не задерживайся, пожалуйста.

После звонка я ещё несколько секунд смотрела на погасший экран. Мне хотелось вернуться к тому лёгкому разговору, который случился минуту назад, но рядом с этим желанием уже стояла вина, словно даже краткая радость отнимала что-то у дочери. Я убрала телефон и пошла заканчивать дела, решив хотя бы сегодня выполнить обещание о времени.

Обратно я шла быстрее, остановившись лишь в продуктивном магазине. Купила молоко, яблоки, яйца и тот самый хлеб, который Марина любила, хотя он неожиданно нашёлся совсем рядом с незнакомым, уже принесённым ею домой. Перед подъездом я переложила пакеты в одну руку и подготовила ключ, будто собиралась к неприятному, но необходимому собеседнику.

На этот раз дверь не открылась совсем. Я осторожно повернула ключ обратно, затем попробовала снова и услышала за спиной негромкий голос, который советовал не торопиться. На лестничной площадке стояла пожилая женщина в светлом кардигане, с прозрачным контейнером в руках.

— Нужно немного потянуть дверь на себя, — сказала она, показывая свободной ладонью. — Нина всё собирается вызвать мастера, а потом вспоминает о замке только перед приходом новых жильцов. Я живу напротив, Вера Павловна, и уже лет пять помогаю людям попасть в эту квартиру.

Я послушалась, и ключ повернулся так легко, что захотелось рассердиться на него отдельно. Дверь открылась, из глубины квартиры показалась Марина, а я всё ещё держала пакеты и пыталась одновременно поблагодарить соседку и не уронить яблоки. Вера Павловна посмотрела на нас с лёгкой улыбкой и приподняла контейнер.

— Сделала пирог, а есть его одной совершенно неинтересно, — объяснила она. — Если у вас нет срочных дел, заходите через полчаса на чай, мне как раз будет время убрать со стола. Я ничего не стану расспрашивать, просто не люблю, когда люди живут за стенкой и даже не знают, как друг друга зовут.

— Спасибо, мы ещё не совсем разобрались с вещами, — начала я, привычно ища вежливую причину отказать. Марина забрала у меня один пакет и неожиданно спросила, какой пирог. После этого моё объяснение потеряло всякую убедительность, а Вера Павловна сообщила, что яблочный, и добавила, что духовка сегодня вела себя прилично.

— Проходите, садитесь куда удобно, только это кресло лучше оставить мне, из него вставать надо со знанием конструкции, — предложила хозяйка, когда через полчаса мы появились у неё с пачкой печенья. — А вы, Марина, можете посмотреть альбом, если интересно, там город ещё без нового моста. Про автобусную остановку рассказывать не буду, она совершенно не заслуживает внимания, хотя её зачем-то в прошлом году торжественно открывали.

Пока я помогала разливать чай, Марина открыла альбом на снимке молодых женщин перед библиотекой. Дочь спросила, кто их фотографировал, и Вера Павловна оживилась, объясняя, что тогда в городе работал фотограф, умевший появляться в самый неподходящий момент. По её словам, половина знакомых ненавидела свои снимки в день съёмки и потом всю жизнь хранила их в конвертах.

— Вот это хорошая фотография, — сказала Марина, повернув альбом ко мне. — Здесь никто не смотрит в камеру, и поэтому видно, что они не притворяются. А на этой человек в углу обрезан, но мне всё равно нравится, как свет падает на стену.

— У тебя хороший глаз, — заметила Вера Павловна, придвигая альбом ближе. — Здесь в школе есть фотостудия, они весной делали выставку в библиотеке, я ходила смотреть. Только не думай, что там одни цветочки, была одна серия с автобусной станцией, и я впервые поняла, что её можно увидеть красивой.

Марина спросила, в какой именно школе, и получила название своей новой. Она сразу опустила взгляд, словно слишком явный интерес мог перечеркнуть всё сказанное о переезде. Я удержалась от радостного замечания, хотя оно уже стояло на языке, и просто попросила ещё немного чаю.

Когда мы вернулись, в нашей квартире уже не было такого тревожного запаха незнакомого жилья. Возможно, помогли продукты в холодильнике, возможно — понимание, что за стеной живёт человек с яблочным пирогом и смешными историями. Марина сняла толстовку, открыла чемодан и начала вытаскивать вещи, а я сделала вид, что не заметила этого маленького перемирия.

— Можем узнать про студию, когда пойдём в школу оформлять оставшиеся бумаги, — сказала я, разбирая пакет с печеньем. — Просто спросим, когда они собираются, а дальше сама решишь, хочешь тебе туда или нет. Я обещаю не записывать тебя никуда без разрешения, даже если окажется, что там раздают бесплатные фотоаппараты.

Марина посмотрела на меня и едва заметно улыбнулась. Потом сказала, что фотоаппараты ей не нужны, она и телефоном нормально снимает, а расписание узнать можно. Я кивнула и пошла искать постельное бельё, пока не испортила этот момент чрезмерной благодарностью.

Позже дочь закрылась в комнате, а я наконец разобрала коробку с чашками. Из одной вывалился старый магазинный чек, и я уже потянулась его выбросить, когда на столе зазвонил телефон. Имя Андрея высветилось сразу, без фотографии, которую я убрала ещё в начале лета, но тело отреагировало быстрее мысли: плечи напряглись, ладонь сама разгладила край футболки.

Я дождалась третьего звонка и приняла вызов. Не потому, что собиралась наказать его ожиданием, а потому, что мне понадобилось несколько секунд, чтобы перестать ощущать себя женщиной, которую сейчас спросят, почему дома не готов ужин. В трубке знакомо щёлкнул поворотник, потом Андрей убавил музыку.

— Привет, наконец-то могу нормально поговорить, — сказал он. — Вчера весь день был в разъездах, а ты написала так коротко, что я даже не понял, доехали вы или просто остановились по дороге. Как устроились, квартиру хотя бы можно считать пригодной для жизни?

— Доехали, я тебе сообщила, — ответила я, опираясь бедром на стол. — Квартира нормальная, две комнаты, всё работает, только замок капризничает, но теперь я знаю, как его открыть. Сегодня была первая смена, Марина сходила в магазин, вечером познакомились с соседкой.

— Уже оставила её на целый день одну, — заметил Андрей, и я закрыла глаза. — Лен, я не придираюсь, просто она в незнакомом городе, у неё там вообще никого нет. У нас хотя бы бабушка могла зайти, и я в случае чего приехал бы, а здесь кому ты собираешься звонить?

Мне захотелось напомнить, сколько раз он не отвечал, когда требовалось действительно приехать. Я уже вдохнула, чтобы рассказать ему о больничных графиках, предварительных договорённостях и телефоне, который дочь не выпускала из рук. Потом посмотрела на открытый шкафчик, на две чашки рядом и поняла, что снова готовлю доказательства права на собственное решение.

— Мы были на связи, — сказала я. — Марина умеет провести день дома, и ты это прекрасно знаешь, здесь ничего нового не случилось. Если хочешь узнать, как она себя чувствует, спроси у неё, только не превращай разговор в проверку того, насколько я плохая мать.

— Зачем ты сразу так? — спросил он наконец. — Я переживаю за дочь, а ты отвечаешь, будто я ищу способ тебя оскорбить. Мы ведь не чужие люди, могли бы поговорить спокойно, без этой твоей постоянной готовности защищаться.

— Я могу спокойно рассказать, как мы устроились, — ответила я. — Но не хочу обсуждать переезд так, будто мы с тобой о нём не договаривались и я тайком увезла Марину. Ты знал, где мы будем жить, в какую школу она пойдёт и когда я выхожу на работу.

— Знал, потому что надеялся, что ты передумаешь, — сказал Андрей, уже без прежней мягкости. — Ты хотела перемен, я не стал устраивать сцену, но это не значит, что решение хорошее. Поговори с Мариной, она мне пишет совсем не так бодро, как ты сейчас рассказываешь.

— Я вижу, что ей тяжело, — сказала я. — Мы разговариваем, не всегда удачно, и я не выдаю эти два дня за счастливый семейный отпуск. Но вернуться к прежней жизни только потому, что переезд оказался трудным, я не собираюсь.

За спиной скрипнула дверь, и в кухню вошла Марина. Она посмотрела на телефон, сразу узнала голос и спросила, разговариваю ли я с папой, хотя ответ был очевиден. Лицо у неё оживилось так быстро, что мне стало одновременно тепло и больно.

Я сказала Андрею, что передаю телефон, и отдала его дочери. Она устроилась на стуле, подтянула под себя ногу и заговорила совсем другим голосом — быстрым, смеющимся, тем, по которому я успела соскучиться. Я взялась за чайник, хотя не собиралась больше пить чай, и стала наполнять его под краном.

Марина рассказала про квартиру, замок и соседку, а потом спросила, когда он сможет приехать. Я слышала только её ответы, но по тому, как она выпрямилась и начала уточнять день, поняла, что Андрей уже назвал ближайшие выходные. Обещание отца заняло на кухне больше места, чем коробки и мебель, и я почувствовала, как маленькая опора, найденная за этот день, снова стала неустойчивой.

— Правда приедешь? — переспросила Марина, улыбаясь так широко, что я невольно улыбнулась тоже. — Тогда я покажу тебе мост, отсюда его почти весь видно, и можем куда-нибудь сходить. Только напиши заранее, я хочу знать точно, а не как тогда, когда у тебя поменялись планы.

Закончив разговор, Марина положила телефон на стол и спросила, можно ли завтра выйти к реке после завтрака. Я сказала, что да, если она напишет, куда пошла, и дочь на этот раз не стала напоминать о своём возрасте. Потом она ушла в комнату, оставив дверь приоткрытой, и я услышала, как звякнула молния чемодана.

На экране почти сразу появилось сообщение Андрея: «На выходных буду, надо поговорить нормально». Я прочитала его дважды, затем ответила, что время встречи с Мариной нужно согласовать заранее, а разговор о нашем возвращении уже состоялся. Палец на мгновение задержался над кнопкой отправки, но я всё-таки нажала её, прежде чем придумала более удобные для него слова.

Про Антона я вспомнила, уже выключая свет: про его улыбку, возвращённый блокнот и то, как легко он ушёл, когда позвонила дочь. Это было маленькое воспоминание, не требовавшее ни решения, ни оправдания, и я позволила себе задержаться в нём на несколько секунд. Потом проверила, закрыта ли входная дверь, и пошла спать, оставив на завтра хотя бы то, что действительно могло подождать.

Глава 2

К первому сентября я научилась открывать входную дверь без чужой помощи, запомнила дорогу до больницы и перестала искать чайные ложки в коробке с книгами. Марина разобрала чемодан, но несколько вещей оставила в нём, словно не хотела давать квартире лишних обещаний. Утром она вышла из комнаты в тёмном жилете, который мы всё-таки выбрали вместе, и остановилась перед зеркалом с таким выражением, будто собиралась не в школу, а на неприятные переговоры.

— Если скажешь, что мне идёт, я обратно переоденусь, — предупредила она, поправляя волосы. — Там у всех наверняка какие-нибудь нормальные вещи, а я похожа на человека, который пришёл проверять счётчики. Ты хотя бы не фотографируй меня возле подъезда, пожалуйста.

— Фотографировать не буду, — пообещала я, протягивая ей тонкую ветровку. — И до входа не пойду, если тебе так спокойнее, просто дойдём вместе до поворота. После всего встретимся у пекарни, сегодня у меня выходной, можем потом куда-нибудь зайти.

По дороге Марина проверяла сообщения, и мне приходилось чуть замедлять шаг, чтобы она не отставала. Возле школьного двора уже собирались родители, кто-то поправлял ребёнку воротник, кто-то держал букет и разговаривал по телефону. Я остановилась там, где обещала, но дочь вдруг спросила, не могу ли я подойти с ней к классной руководительнице, потому что сама она пока не помнит её имени.

Знакомая по нашему визиту женщина поздоровалась тепло и показала, где стоит девятый класс. Несколько ребят обернулись, одна девочка чуть подвинулась, освобождая место, а Марина сразу застыла рядом со мной. Я представила её, хотя дочь уже открыла рот, чтобы сделать это сама, и тут же поняла по взгляду, что начала утро с лишней помощи.

— Мы уже видели тебя в чате, — сказала девочка с короткими рыжими волосами. — Я Соня, если запутаешься с кабинетами, можешь ходить со мной, я здесь с первого класса и иногда всё равно ухожу не туда. А после линейки нас только на классный час оставят, так что сегодня долго мучиться не придётся.

Когда Марина вышла из школы, она шла одна, сжимая в руке листок с расписанием. Я купила ей булочку, и мы свернули в сквер, где было тише, чем возле ворот. Дочь отломила кусочек, посмотрела на крошки и сказала, что Соня весь классный час объясняла ей местные правила, словно Марина никогда раньше не училась.

— А ещё пригласила в эту фотостудию, — добавила она, не поднимая глаз. — Сказала, что там можно быстро со всеми познакомиться, как будто я без специального кружка ни с кем не справлюсь. Наверное, учительница попросила её присмотреть за новенькой, очень мило с их стороны.

— Может быть, ей просто понравилось с тобой разговаривать, — предположила я. — Ты ведь сама хотела узнать про студию, мы даже записали, когда подойти к руководителю. Можно сходить один раз, а если не понравится, никто не заставит оставаться.

Марина отложила булочку в пакет и посмотрела на меня с внезапной усталостью. Я спросила, что именно ей не понравилось в классе, потом — есть ли там ещё кто-то с похожими интересами, и уже собиралась предложить пригласить Соню погулять. Дочь перебила меня раньше, чем я успела превратить её первый день в подробный план исправления.

— Мам, можно я просто скажу, что мне было плохо? — попросила она. — Не надо сразу искать, как сделать хорошо, я сама ещё не понимаю, что чувствую. Ты спрашиваешь так, будто я должна к вечеру найти друзей и доказать, что мы не зря приехали.

Я села рядом на скамейку и почувствовала, как горят щёки. В её словах было достаточно правды, чтобы не пытаться спастись объяснениями, хотя у меня действительно чесались руки

предложить ещё что-нибудь полезное. Я сказала, что слышу её, и некоторое время мы просто сидели, глядя на женщину, которая безуспешно уговаривала маленькую собаку идти домой.

Телефон завибрировал, когда Марина всё-таки доела булочку. Андрей написал, что приедет в субботу к одиннадцати, и дочь сразу потянулась к экрану, словно несколько строк могли вернуть ей весь прежний город. Я подтвердила время и напомнила, что встреча будет с Мариной, а совместного семейного вечера мы не планируем.

В субботу Андрей позвонил без пяти одиннадцать и сообщил, что уже стоит у подъезда. Марина побежала вниз первой, оставив на стуле ветровку, и мне пришлось взять её с собой. У зеркала я пригладила волосы, поймала собственное движение и сердито убрала руку, словно меня кто-то застал за ненужной уступкой.

Он стоял возле машины в светлой рубашке, с букетом и бумажным пакетом на пассажирском сиденье. За последние месяцы я чаще видела его раздражённым или деловито-сосредоточенным, а сейчас он улыбался той улыбкой, от которой когда-то у меня пересыхало во рту. Марина обняла его, он прижал её к себе, и я почувствовала знакомую боль оттого, что хорошее тоже никуда не исчезло.

— Вот вы где спрятались, — сказал Андрей, отпуская дочь и протягивая мне светлые розы. — Я чуть не проехал поворот, навигатор почему-то уверен, что здесь надо ехать через двор, хотя там шлагбаум. Лен, это тебе, взял по дороге, надеюсь, ты ещё не передумала любить эти цветы.

— Я занесу цветы, — ответила я, стараясь не оправдывать каждое слово. — Вы пока подождите здесь, только Марина надень куртку, у реки прохладно. Я спущусь через несколько минут, нужно ещё договориться, когда вы вернётесь.

В квартире я долго искала подходящую ёмкость и наконец поставила розы в высокий кувшин. Они сразу изменили кухню, наполнив её знакомым запахом, и я разозлилась на собственную память за такую покладистость. Когда вернулась во двор, дочь уже доставала из пакета новые беспроводные наушники и радостно объясняла, что именно такие показывала отцу ещё летом.

— Давайте сначала выпьем кофе, — предложил Андрей, убирая пустой пакет в машину. — Здесь на углу вроде есть приличное место, а потом мы с Мариной пойдём смотреть её знаменитый мост. Лен, посиди с нами немного, неужели нам теперь нельзя даже позавтракать за одним столом.

Я согласилась задержаться на полчаса, и в кафе он заказал дочери какао, мне — привычный кофе, даже не спросив, и сначала я ощутила почти болезненное облегчение от того, что кто-то помнит мои привычки. Потом поняла, что сегодня хотела чай, но не стала исправлять заказ из-за такой мелочи. Андрей расспрашивал Марину о школе, поддразнивал её насчёт жилета и смеялся так легко, что постепенно я тоже перестала держать плечи напряжёнными.

Он вспомнил, как однажды мы заблудились по дороге на море и нашли маленькое придорожное кафе с невероятными блинами. Марина утверждала, что блины были обычные, а понравились нам только потому, что Андрей забыл купить еду и мы полдня ехали голодные. Я рассмеялась раньше, чем успела остановиться, и на мгновение за столом оказались мы прежние, не знающие, сколько всего можно испортить между такими поездками.

— Вот видишь, мы всё ещё умеем нормально разговаривать, — сказал Андрей, когда дочь отошла к витрине выбрать десерт. — Иногда нужно просто перестать воевать, Лен, а не переворачивать всю жизнь из-за нескольких тяжёлых месяцев. Давай попробуем без этой истории с отдельным городом, дома ведь всё осталось, можно вернуться хоть завтра.

— Я не вернусь, — сказала я негромко. — И не хочу обсуждать это при Марине, она пришла провести с тобой день, а не ждать, помиримся ли мы за чашкой кофе. Мы с тобой уже всё решили, прежде чем я стала искать здесь работу.

— Ты решила, а я не стал тебя удерживать силой, — произнёс он. — Только не думай, что Марина обязана жить там, где тебе захотелось начать всё заново. Она достаточно взрослая, чтобы выбрать, где ей лучше, и я не собираюсь делать вид, что этого варианта нет.

Марина вернулась с тарелкой, прежде чем я ответила. Она посмотрела на мою нетронутую чашку, потом на отца и спросила, почему мы замолчали, а я сказала, что мне пора домой. На улице я договорилась с Андреем о времени возвращения дочери и пошла к подъезду, чувствуя себя человеком, который ушёл с праздника и унёс с собой весь неприятный свет.

Марина вернулась к пяти, с красными от ветра щеками и маленькой коробкой пирожных. Андрей поднялся с ней только до лестничной площадки, сказал, что выезжает обратно, и пожелал мне удачи с новой работой так вежливо, словно между нами не было разговора в кафе. Дочь проводила его взглядом, а затем молча прошла на кухню и поставила коробку рядом с розами.

Я предложила ужинать, но она сказала, что пока не голодна, и начала распаковывать наушники. Сначала спросила, куда положить инструкцию, потом — действительно ли отец не сможет приехать раньше чем через пару недель. Я ответила, что это лучше уточнить у него, и Марина подняла на меня глаза, в которых уже собиралось то, чего я боялась весь день.

— Почему ты даже не захотела с нами посидеть? — спросила она, откладывая коробку. — Он приехал, купил тебе цветы, нормально разговаривал, а ты всё время выглядела так, будто ждёшь, когда он уйдёт. Я не прошу немедленно снова выйти за него замуж, но можно хотя бы попробовать не быть такой.

— Мы не развелись из-за одного плохого дня, — сказала я. — Я пробовала говорить с ним, и не один раз, просто ты не присутствовала при каждом разговоре. Я не хочу рассказывать тебе всё, что было между нами, потому что ты наша дочь, а не человек, который должен вынести решение.

— Очень удобно, — ответила Марина, и я услышала в её голосе знакомую отцовскую интонацию. — Ты всё знаешь, а мне остаётся верить, что папа какой-то ужасный, хотя он сегодня совсем таким не был. Мне у него хорошо, и я не собираюсь делать вид, что плохо, чтобы тебе стало легче.

— Ты не должна притворяться, — сказала я, стараясь смотреть на неё, а не на цветы. — Я рада, что вам было хорошо сегодня, и хочу, чтобы вы виделись, это не противоречит тому, что мы с ним больше не супруги. Папа может быть важным и любимым человеком для тебя, а я могу не хотеть снова жить с ним.

Марина потёрла пальцем угол инструкции и долго молчала. Потом спросила, неужели у нас правда никогда не было ничего хорошего, и у меня сжалось горло, потому что она искала место для собственных счастливых воспоминаний. Я придвинула к ней коробку с пирожными, чтобы не сидеть совсем неподвижно, и сказала, что хорошего было много.

Я вспомнила, как Андрей учил её кататься на велосипеде и бежал рядом, держа ладонь под седлом, пока она требовала отпустить и одновременно оглядывалась проверить, не отпустил ли он. Рассказала, как он однажды привёз меня после смены к морю, потому что я сказала, что соскучилась по воде, и как мы завтракали прямо на песке. Эти воспоминания не лгали, просто в них не помещалось всё остальное.

— Тогда почему ты не можешь дать ему шанс? — спросила дочь уже тише. — Люди ведь иногда меняются, ты сама говорила, что нельзя навсегда судить по одной ошибке. Может быть, он понял, я сегодня видела, как он на тебя смотрел.

— Я уже давала шансы, — сказала я, не повышая голоса. — Если взрослые хотят оставаться вместе, им недостаточно скучать по хорошему, приходится менять то, от чего другому больно. Я не увидела этих перемен и больше не готова жить только надеждой, что они однажды случатся.

Марина отвернулась, и я ощутила почти непреодолимое желание смягчить сказанное обещанием подумать ещё. Оно позволило бы закончить этот вечер тише, но оставило бы дочери ожидание, которого я не собиралась оправдывать. Я сложила руки на столе и выдержала паузу, хотя собственное спокойствие ощущалось непрочным и тяжёлым.

— Я не буду мешать тебе общаться с папой, — добавила я. — Если хочешь чаще звонить или обсудить поездку к нему, мы можем об этом говорить, только не нужно прятать от меня хорошие впечатления. Но решение о том, быть ли мне его женой, я должна принять сама, даже если тебе сейчас трудно с ним согласиться.

Она сказала, что всё равно не понимает, и ушла в комнату, оставив на столе новые наушники. Дверь закрылась без хлопка, а я ещё долго сидела перед нетронутым пирожным, от которого пахло ванилью. Мне удалось не отступить, но это совсем не было похоже на победу, и чайник пришлось включить дважды, прежде чем я вспомнила налить воду в чашку.

В следующую среду я вспомнила про обед, только когда увидела, как Ирина заворачивает в салфетку недоеденный бутерброд. Я собиралась сначала закончить записи, но одна задача потянула за собой другую, и к половине третьего в голове появилась знакомая гулкая пустота. Антон остановился у моего стола, посмотрел на часы и спросил, собираюсь ли я сегодня вообще выходить из кабинета.

— Собираюсь, — ответила я, не отрываясь от экрана. — Только закончу здесь, пока ещё помню, что хотела написать, а потом обязательно поем. У меня даже яблоко есть, где-то в сумке, если оно выдержало соседство с остальными вещами.

— Я иду в столовую, могу составить вам компанию, — сказал он. — Но если мешаю, скажите прямо, яблоко тоже заслуживает честного шанса. Просто горячую еду там скоро уберут, а с печеньем из автомата отношения получаются слишком краткими.

Я подняла глаза, и он чуть улыбнулся, не двигаясь дальше в кабинет. В этом предложении не было привычного продолжения о том, как неправильно я распоряжаюсь своим временем, и я неожиданно захотела пойти. Сохранив запись, я сказала, что яблоко переживёт разлуку, и Антон отступил, пропуская меня к двери.

— Освоились с нашей системой? — спросил Антон, отодвигая поднос. — Или она ещё пытается доказать, что знает больше людей, которые с ней работают. Я в первую неделю однажды распечатал три одинаковых направления, прежде чем заметил, что проблема была не в принтере.

Я рассказала о собственной попытке найти сохранённый документ и о том, как Ирина без единого лишнего слова открыла нужную вкладку. Антон признался, что до сих пор кладёт ручки в карман халата, а потом ищет их на столах, искренне подозревая окружающих. Мы разговорились о смешных привычках, и я поймала себя на том, что ем не торопясь, не прислушиваясь каждую секунду к телефону.

— Кстати, с замком договорились? — спросил он, когда я потянулась к стакану. — Или вопрос всё ещё требует посредника, у нас здесь действительно есть мастер, который умеет разговаривать с такими характерами. Он моей матери однажды дверь спас, когда все остальные советовали менять её целиком.

Я объяснила, что помогла соседка, а хозяйка уже обещала прислать мастера. Он спросил, не Вера ли Павловна живёт напротив, и оказалось, что она когда-то выдавала ему книги в городской библиотеке. От этой неожиданной связи мир сделался чуть теснее, и я впервые почувствовала Бережск не точкой на карте, а местом, где у людей есть общая память.

— Она меня в детстве страшно возмутила, — рассказал Антон. — Не разрешила взять одну толстую книгу, потому что я предыдущие две ещё не вернул, а я считал, что это ограничивает моё развитие. В итоге мама обнаружила обе под кроватью, так что трагедия закончилась не в мою пользу.

— Дочери пока трудно привыкнуть, — сказала я сама, разглядывая воду в стакане. — Ей пятнадцать, и в прежнем городе осталось слишком много важного, а я иногда тороплю её освоиться. Наверное, хочу убедиться, что не ошиблась, и получается, что ей ещё приходится успокаивать меня.

Антон не стал говорить, что подростки всегда недовольны или что время всё исправит. Он помолчал, затем признался, что у него самого до сих пор половина вещей лежит в коробках, хотя объяснить это тяжёлым возрастом уже не получится. Я представила его стоящим среди неразобранных книг и вдруг почувствовала нежность к этому человеку, о котором почти ничего не знала.

— Я вчера искал открывалку и нашёл диплом, — добавил он, заметив мою улыбку. — Судя по всему, при переезде я руководствовался очень сложной системой, которую теперь не могу восстановить. Поэтому с дочерью вашей в этом вопросе я скорее на одной стороне, иногда чужую квартиру хочется просто не замечать.

Я хотела спросить, почему он называет квартиру чужой, если вернулся домой, но в дверях столовой появилась Ирина. Она поманила меня и сказала, что нужно помочь с оформлением перевода пациента, где-то застряло согласование между отделениями. Я быстро допила воду и поднялась, а Антон взял наши подносы, не делая из этого отдельного события.

В кабинете меня ждали несколько звонков и открытая карточка, в которой не появлялся нужный статус. Пациент уже был осмотрен, необходимая помощь продолжалась, но завершить организационную часть не удавалось, и родственники тревожно спрашивали, что происходит. Я уточнила, где возникла задержка, связалась с принимающим отделением и услышала, что с их стороны всё подтверждено.

Антон заглянул в кабинет, чтобы уточнить другой рабочий вопрос, и задержался возле двери. Я коротко объяснила проблему, одновременно продолжая искать нужную строку, а он посмотрел на экран и предложил открыть раздел согласований. Возможно, любой другой человек услышал бы в этом только предложение, но я услышала, что снова делаю всё неправильно.

— Я знаю, где он находится, — ответила я, резко щёлкнув мышкой. — Мне не нужно показывать каждую кнопку, я пытаюсь понять, почему сведения не обновились. Если всем вокруг так очевидно, что делать, можно просто сказать по порядку, а не стоять над душой.

Он убрал руку с края стола и отступил. В кабинете стало тихо, только из коридора доносился разговор, и мне вдруг захотелось вернуть последнюю фразу прежде, чем она долетела до него. Антон сказал, что в прежней версии программы после согласования требовался ещё один шаг, но он не знает, сохранился ли здесь этот порядок.

— Если хотите, уточню у Ирины, — добавил он уже совсем ровным голосом. — Сам я это сейчас не оформляю, поэтому не буду делать вид, что уверен. А если помощь не нужна, оставляю вас спокойно закончить, я пришёл только насчёт расписания консультаций.

Я попросила его уточнить и ответила на первоначальный вопрос, стараясь говорить так, будто ничего не случилось. Через несколько минут пришла Ирина и показала дополнительное поле, после заполнения которого карточка наконец отразила правильный статус. Я поблагодарила её, передала информацию коллегам и смогла заняться следующим пациентом, но облегчение оказалось испорчено собственной грубостью.

Когда я вышла из больницы, он стоял у нижней ступеньки и искал что-то в телефоне. Я могла бы пройти мимо, надеясь, что утро всё сгладит, но остановилась и позвала его по имени. Антон поднял голову, убрал телефон в карман и подождал, пока я спущусь, не торопя вопросом.

— Я хотела извиниться за то, как разговаривала в кабинете, — сказала я, чувствуя неловкое тепло у шеи. — Вы предложили помощь, а я ответила так, будто вы пришли объяснять, что я ни на что не способна. Усталость тут есть, но это всё равно не повод на вас срываться.

Он посмотрел на меня чуть внимательнее и кивнул. Потом сказал, что тоже мог сначала спросить, хочу ли я, чтобы он посмотрел, вместо того чтобы подходить к экрану и предлагать кнопку. Я ожидала либо тяжёлой паузы, либо шутки, которая заставит почувствовать себя глупо, и от простого ответа сразу стало легче.

— Тогда договорились, — сказала я, поправляя ремень сумки. — Вы спрашиваете, а я стараюсь отвечать именно вам, а не всем людям, которые когда-либо давали мне неприятные советы. На словах звучит довольно просто, но я заранее предупреждаю, что безупречности не гарантирую.

— Может быть, как-нибудь выпьем кофе без больничного расписания, — предложил он. — Здесь есть место у набережной, где не спрашивают, из какого вы отделения, прежде чем налить вторую чашку. Если захотите, напишите, а если сейчас не до этого, ничего страшного.

Я посмотрела на него и вдруг ясно представила небольшой стол, окно и разговор, который никто не прервёт просьбой заполнить форму. Мне хотелось согласиться, но следом возникли лицо Марины в субботу, розы на подоконнике и страх, что даже такое маленькое желание придётся у кого-нибудь отстаивать. Я сказала, что пока не знаю расписания на следующую неделю, и сразу поняла, насколько прозрачной получилась эта защита.

Антон не стал делать вид, что не заметил, и не попытался добиться более определённого ответа. Он предложил сохранить номер, чтобы мне не пришлось в случае чего искать его через отделение, и я протянула телефон. Когда он вернул его, в контактах стояло просто имя, без должности, и эта маленькая перемена почему-то показалась мне важнее самого приглашения.

По дороге домой Андрей написал, что нашёл для Марины хорошего преподавателя английского и готов оплатить занятия. Следующее сообщение пришло почти сразу: «Если вернётесь, всё организую, и ей будет нормально, и тебе не придётся разрываться». Я остановилась у перехода, перечитала обе фразы и почувствовала, как знакомая забота снова превращается в условие, которого я не просила.

Я поблагодарила за готовность участвовать в расходах дочери и ответила, что занятия можно обсудить отдельно от моего возвращения. Отправив сообщение, убрала телефон в сумку и дождалась зелёного света, не проверяя, что он напишет дальше. До дома оставалось два квартала, за дверью меня ждала Марина, а в сохранённых контактах появилось имя человека, которому я пока ничего не обещала и всё-таки хотела написать.

Глава 3

Во вторник Марина сама разбудила меня, хотя обычно утром приходилось сначала уговорить её открыть глаза, а потом напоминать о завтраке. Она стояла в дверях с телефоном и спрашивала, помню ли я про собрание, на котором будут обсуждать подготовку к экзаменам. Я села в кровати, посмотрела на время и сказала, что помню: смена заканчивается в шесть, до школы двадцать минут, а собрание начинается в семь.

— Только ты правда приходи, — попросила она, убирая телефон в карман. — Там не просто бумажки раздадут, классная сказала, что можно будет спросить про дополнительные занятия. Я хочу, чтобы ты сама послушала, а не потом читала пересказ в чате.

Я пообещала и за завтраком уточнила, в каком кабинете они собираются. Марина заговорила об английском, о слишком строгой учительнице математики и о том, что Соня собирается сдавать те же предметы, хотя пока меняет решение через день. Я слушала с удовольствием: дочь наконец обсуждала новую школу так, словно в ней происходила настоящая жизнь, а не временная неприятность перед возвращением домой.

На работе я сразу предупредила Ирину, что сегодня хочу уйти вовремя. Она показала мне расписание и сказала, что сменяющий врач выходит без задержки, так что всё должно получиться, если день не решит внести свои поправки. Я улыбнулась, уверенная, что посмотрела достаточно, и положила в сумку листок со школьными вопросами, который Марина составила вечером.

Оксану Ильиничну привёз муж ближе к концу дня. Женщина сидела, наклонившись вперёд, и извинялась за то, что отрывает нас от работы, а Сергей стоял рядом с её сумкой, которую держал обеими руками. Она говорила, что, наверное, съела что-то не то, и пыталась улыбнуться, но улыбка получалась напряжённой и сразу исчезала.

— Я сначала хотела дома отлежаться, — объяснила она, пока я задавала вопросы. — У меня такое иногда бывало, только сегодня дольше не проходит, а муж уже испугался и привёз. Вы ему скажите, что я не специально тянула, просто с утра ещё терпимо было.

Я попросила рассказать всё по порядку и не торопиться с объяснениями для мужа. Оксана отвечала внимательно, иногда останавливаясь посреди фразы, чтобы перевести дыхание, и всё время спрашивала, можно ли скоро домой. Во время осмотра я заметила, что её самочувствие меняется, и сказала Ирине, что нужно повторно оценить состояние и пригласить хирурга, не дожидаясь, пока женщина начнёт жаловаться громче.

Пока организовывали необходимые исследования, Сергей вышел позвонить и вернулся с двумя бутылками воды. Я объяснила, что пока лучше ничего не давать жене без согласования с врачом, а он растерянно посмотрел на покупки, словно их бесполезность стала ещё одним плохим знаком. Оксана попыталась успокоить его, но на этот раз я попросила её не тратить силы и сосредоточиться на том, что она чувствует.

Антон пришёл быстро, выслушал меня и подошёл к кушетке. Он не обещал, что всё окажется пустяком, и не подхватил её попытку представить недомогание обычным несварением, а задавал вопросы спокойно и последовательно. Когда она снова извинилась, он сказал, что именно для таких случаев здесь и работают, и женщина впервые перестала оправдываться.

Мы вышли обсудить дальнейшие действия, и Антон уточнил, какие изменения я заметила за время наблюдения. Я показала записи, он сопоставил их с результатами, которые уже начали поступать, и попросил повторно связаться с нужными специалистами. Работа вдруг сделалась очень собранной: каждый звонок имел цель, каждый ответ что-то менял, и мне пришлось перестать думать о времени.

Когда стало ясно, что требуется срочная операция, Оксана побледнела и первым делом спросила, знает ли муж. Сергей стоял в коридоре у окна, всё ещё держа бутылки, и смотрел

на нас так, будто по расстоянию между мной и Антоном мог определить, насколько плохи новости. Я подошла к нему, прежде чем он успел войти и задать вопрос при жене.

— Ситуация серьёзнее, чем казалось вначале, — сказала я, стараясь говорить понятно. — Мы получили результаты и подготовим Оксану к операции, хирург сейчас подробно объяснит, что требуется. Понимаю, что это страшно слышать, но дальше важно действовать без задержки, а ваши вопросы мы не оставим без ответа.

Оксану передали хирургической команде ближе к шести. Я помогла завершить документы, уточнила, всё ли необходимое передано, и вернулась в приёмное отделение, где за это время появились новые пациенты. В сумке завибрировал телефон, и на экране возникло сообщение Марины с фотографией школьного кабинета и напоминанием, что вход будет со стороны двора.

Сменяющая меня врач пришла вовремя, приняла пациентов и уточнила, не осталось ли незавершённых вопросов. Я могла уйти после передачи, но перед операцией пообещала Сергею подойти, как только появится информация, и теперь не решалась просто исчезнуть. Мне казалось, что нужно задержаться ещё на несколько минут, хотя я слишком хорошо знала, как легко эти минуты превращаются в час.

Он сидел в коридоре, поставив воду под стул, и поднялся, едва увидев меня. Я объяснила, что операция продолжается, точного времени окончания пока нет, а новое известие сообщат, как только оно появится. Сергей выслушал до конца и спросил, могу ли я гарантировать, что жена выйдет оттуда живой.

— Гарантировать я не могу, — ответила я, не отводя взгляда. — Могу сказать, что она сейчас получает необходимую помощь и команда работает с её состоянием. Если хотите, я ещё раз объясню, что мы знаем на этот момент, только не буду придумывать обещание, которое никто не вправе вам дать.

— А зачем вы тогда здесь? — спросил он с такой злостью, что проходившая мимо женщина обернулась. — Привёз её своими ногами, она разговаривала, а теперь вы говорите, что ничего не можете обещать. Мне что, просто сидеть и ждать, пока кто-нибудь решит подойти?

Он не кричал, но каждое слово звучало резко, и я почувствовала, как внутри поднимается желание защищаться. Потом заметила, что у него дрожит нижняя губа, а пальцы всё время разминают край ремня сумки. Я предложила сесть, сама опустилась на соседний стул и сказала, что неизвестность действительно тяжело переносить, особенно когда ничем не можешь помочь.

Телефон завибрировал второй раз, и я увидела Марино «Ты уже идёшь?». До начала собрания оставалось десять минут, и даже такси не могло вернуть мне то утреннее обещание, которое я раздавала слишком уверенно. Я написала, что сегодня не успею, извинилась и попросила передать вопросы классной руководительнице, а затем долго смотрела на отметку о прочтении без ответа.

Из хирургического отделения сообщили о завершении операции уже после семи. Антон вышел к Сергею и объяснил, что удалось сделать и что теперь Оксане нужно наблюдение, а я стояла чуть в стороне, не вмешиваясь в его разговор. Мужчина несколько раз кивнул, спросил, когда сможет её увидеть, и наконец поставил сумку на стул, будто только теперь заметил, что держит её слишком долго.

Когда он повернулся ко мне и неловко извинился за резкость, я сказала, что понимаю его тревогу. Он попросил передать жене, если я вдруг раньше его окажусь рядом, что дома всё в порядке и поездку к сестре они ещё успеют обсудить. После этого я отошла к окну и обнаружила, что руки дрожат так сильно, что не получается с первого раза убрать телефон в сумку.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.